

Бумеранги – 2

Роман том 1 344 стр. DIN A5
ISBN 978 – 3 – 95772 – 073 – 3

Второй том посвящён жизни в селе с 1922 по 1935 годы: разделение крестьян на кулаков и бедняков, проведение коллективизации, ссылка богатых крестьян на Север, голод, бегство крестьян в города и на государственные стройки.

Продолжается описание судеб героев романа, начатое в первом томе романа «Бумеранги». Колхозный строй в селе утверждается. Формируются новые отношения к труду и между людьми. Непорядочные поступки героев романа бумерангами возвращаются к ним же.

После долгих лет войны с внешними, а затем и с внутренними врагами, созданными в результате развязанной в стране гражданской войны, жизнь стала налаживаться, и будущее снова привиделось светлым и радостным, особенно после того, как партия большевиков, отказавшись от продрозвёрсток, проводимых в военные годы, внедрила в стране новую экономическую политику, НЭП.

С введением НЭП Павло Бутько снова стал развивать своё хозяйство высокими темпами. Опытный крестьянин и хваткий купец планомерно расширял перспективные направления в хозяйстве. Опять заседал он свои земли добрыми семенами и брал в аренду земли бедняков, расплачиваясь за аренду зерном и мясом. И по купеческой части дела Павла не стояли на месте, купля-продажа тоже приносила неплохие доходы. Руки у него были развязаны, ведь за его хозяйством присматривал покладистый сосед Охрим Гнеденко, и хозяин мог неделями отсутствовать дома, разъезжая по городам и сёлам, покупая товар у одних и продавая его другим. И весело было на душе поначалу. Уверовал он в благие намерения большевистского правительства, внедрившего в стране НЭП!

Но в последнее время, а подходил к концу двадцать седьмой год, в нём стали появляться неуверенность и беспокойство за возрождённое хозяйство и будущее семьи. Люди стали заметно меняться, и это тоже заметил Павло. Где честное купеческое слово, где купеческая честь? Каждый норовит обойти тихой сапой, урвать мимоходом, отхватить обманом, а то и нагло обобрать. Взять хотя бы Кузьму Ворохова. Не так давно встретил его на рынке, как дела, поинтересовался. Ответил Кузьма, что прогорел начисто, нужны мол небольшие деньжата до лучших времён. А где их взять, не знает. Никто не хочет деньги в долг давать.

— Что за вопрос, Кузьма? — ответил Павло и одолжил купцу денег.

А тот что? В скором времени сам к нему заявился. Пришёл и говорит, что не сможет пока вернуть деньги, взятые им в долг, опять завяз по самые уши. («Уж не картишками ли стал баловаться мужик?» — подумал Павло.)

— Времена изменились, Павло. Другое занятие искать надо, чтобы надёжней жилось и спокойней спалось.

А спустя время дошли до Павла слухи: нашёл бывший подельник надёжное занятие! В налоговики устроился работать Кузьма Ворохов! Отдел там какой-то возглавляет купец, дружок его бывший, расчётами налогов на крестьянские хозяйства занимается. «Ничего себе! — удивился Павло, узнав о крутом повороте в жизни бывшего кумпанейца. — Из купцов да в налоговики! Ну и дела!»

Заметив изменение государственной политики в отношении основных поставщиков хлеба, Павло долго не верил очевидному, и поэтому за свёртывание хозяйства принялся с большим опозданием. Никак не укладывались в голове практичного крестьянина несуразные действия правительства. Вначале ему казалось, что это является следствием неосознанных ошибок власть имущих: кто же поступает себе во вред? По его убеждению то, что делалось, было временным явлением, и должно в скором времени прекратиться, как только правительство осознает, к чему это ведёт. Ведь такие действия означают не что иное, как рубить сук, на котором сидишь. Разорить крупные хозяйства в стране, поставляющие основную массу сельскохозяйственной продукции государству, означало бы преднамеренно создать голод, ибо бедные хозяйства не в состоянии произвести необходимое количество продукции!

Распродав имущество и надёжно спрятав полученные от продажи золото и драгоценности, Павло стал вести обычную для крестьянина жизнь: копошился во дворе, время от времени занимался землёй, когда подходили сроки. Но странно выглядел дом под железной крышей и опустевшие обширные хозяйственные постройки, где прежде был избыток всего, а нынче не слышно было ни требовательного мычания коров, ни бодрого ржания лошадей, ни визга многочисленного стада свиней ...

Ворохов ожидал его, сидя за столом в кабинете. Пропустив мимо ушей вопрос о третьем в этом году налоге, напрямую спросил:

— Ты куда, Павло, хозяйство своё дел?

— Какое хозяйство? Всё, что при мне имеется, то и есть.

— Ты не юли, Павло, пока я тебя по-хорошему спрашиваю! Ещё недавно был богатейшим крестьянином в районе, куплей-продажей успешно занимался, и вдруг в одночасье ничего не стало! Куда всё дел, отвечай честно! Не то другой разговор пойдёт! ...

Третий привод на допрос оказался последним. Удар табуретом по голове — и свет в глазах Бутько погас навсегда. Отругал следователь помощника за скорое окончание расследования, а тот только удивлённо развёл руками: не думал мол, что таким хлипким мужик окажется!

— А что я могу? — занял беспомощно Микола. — Я же тебе не начальник, чтобы приказывать! Приказы без меня составляются. Моё дело — исполнять!

— И не надо приказывать, коль не начальник ... пока ещё, — польстил Охрим соседу. — Ты намекни только Ворохову, что не найти мол спрятанных сокровищ, если хозяйку выселить.

Микола задумался. Мысль толковая. Особенно, если учесть, что он с Глафирой в соседях живёт, и хозяйка всегда на глазах находиться будет. Тогда, в случае удачи, можно будет не на часть бутьковских сокровищ рассчитывать, а все прибрать! А Кузьме фигу с маслом!

— За что он, подлец, Глашу прижать хочет? За кулацкое прошлое? А у него какое прошлое? Так уж и чистенькое? — встряла в мужской разговор Груня. — Надо бы написать на него записочку, а там пусть разберутся, чистенький он, или тоже рыло в пуху

— Ну, бабы! Ну же гадючье племя! — воскликнул в сердцах Микола. — Тебе-то что за дело, прижмёт он Глаферью или не прижмёт? Он что, дорогу тебе перебежал? Нет! За что же ты его под суд подвести хочешь?

— А за то, что он баб беззащитных сильничает, вот за что! — нашлась Груня, хотя подлое изнасилование Глафиры её вовсе не волновало, как не волновали и все сельские бабы, коих Кузьма Ворохов мог постелить под себя, используя служебное положение.

Причиной ненависти Груни к Кузьме был сын Андрийко, которого мать тайно защищала всеми доступными и недоступными средствами.

— Что, и впрямь напишешь? Не побоишься за оговор грех на душу взять? — усомнился Охрим; в его представлении написать на человека анонимку было верхом подлости.

— И напишу! — горячилась Груня. — Пусть гадают, кто и за что на него донёс! Часто, видимо, беззащитных баб под себя стелил, используя даденную ему власть, раз на вдову соблазнился! — лицо искательницы правды распалилось от гнева ...

Кузьму Ворохова вызвали по телефону в следственный отдел, не предупредив о цели вызова. Вежливо постучав в дверь, Кузьма с улыбкой на лице вошёл в кабинет. Человек, сидевший за столом, приветливо привстал, подал ему руку и предложил присесть.

— Я запросил документы из отдела кадров на некоторых сотрудников. Коллективизация, видите ли, идёт с большой пробуксовкой. Это не могло не насторожить партию, и она дала указание разобраться, из-за чего это происходит. Появилось мнение, что в ряды управленцев проникли люди, чуждые по духу идеям партии.

— Да, да! Совершенно с вами согласен! Я регулярно слежу за прессой и склоняюсь к тому же: нам действительно следует периодически проверять ответственных работников аппарата управления на политическую благонадёжность! — горячо поддержал Кузьма следователя, полагая, что далее последует просьба высказать мнение об отдельных работниках отдела, в котором он работает. — Кто конкретно вас интересует? Готов дать показания!

— Вы, — без выражения каких-либо эмоций ответил вежливо собеседник. — Я запросил в отделе кадров ваше личное дело, чтобы ознакомиться с биографией, составленной вами при поступлении на работу, и сравнить её с информацией, полученной от секретного сотрудника нашего отдела. Есть некоторые несоответствия, которые хотелось бы прояснить ...

В кабинет вошёл рослый детина. Равнодушный кивок следователя, и милиционер повел Кузьму в камеру предварительного заключения, где когда-то сидел, коротая последние часы жизни, Павло Бутько, его бывший поделщик по купеческим делам, отправленный Кузьмой в следственный отдел ...

Короткая остановка на небольшом полустанке. Вооружённая охрана ходит вдоль вагонов эшелона. К железнодорожному откосу тянется цепочка «уполномоченных» от каждого вагона с ведрами испражнений. Содержимое ведер с отвращением выплёскивается с откоса под ноги, и ведра с прилипшими к ним кусками фекалия возвращаются в вагоны. Ведра никто не очищает — нечем и незачем, всё равно будут вонять. Следом за выносом параши в вагоны заносится кипяток и жидкий суп. Двери закрываются на засов, и поезд трогается. И так изо дня в день ...

Крик в углу вагона: тщедушный мужичонка пытается отнять у молодухи запачканный свёрток. Та вцепилась в него, не даёт отнять, кричит по-звериному, кусает мужичонке руки. — Да мужик ты или нет, в конце концов?! — раздаются несколько громких раздражённых голосов. — Воняет же невыносимо! А нам с вами ехать! Отними и отдай на остановке! Не воскреснет уже!

Мужичонка собирается с духом и решительно вырывает из рук молодухи свёрток. Затем бережно прижимает его к груди и, лавируя между вещами и людьми, несёт к вагонной двери. Женщина закатывает глаза, ревет белугой, вскакивает, порываясь догнать мужа и отнять у него ребёнка. Но сильные руки соседей удерживают её. Коротко посоветовавшись, мужики привязывают несчастную к нарам — так надёжнее. Кто знает, что взбрѣдет ей в голову, когда поезд остановится, и в приоткрытую дверь просунут её ангелочка.

Молодуха закатывает глаза и начинает неистово звать матушку. Ближние поворачивают головы в её сторону.

— Всё, свихнулась душенька божия. Не выдержала. Пропал мужик. Господи Божечки мои! Вот ведь как бывает.

— Ничего, — утешают другие. — Молодой ещё, найдёт себе молодайку. Вон их сколько едет! Выбирай любую.

— А с этой как? ...

На станцию Луза прибыли утром. В республике Коми холодно, на земле лежит рыхлый снег. Местные жители встретили приезжих сочувственно: на них-то шубы, на ногах валенки, руки спрятаны в тёплые рукавицы, а на большинстве прибывших осенние пальтишки. Тёплые вещи остались в другом составе, прибытие которого ожидается со дня на день. Но кто сдал вещи на станции погрузки, больше их не увидел.

А село между тем продолжало жить прежней размеренной жизнью. После раскулачивания и конфискации имущества трёх кулацких хозяйств материальная база колхоза «Светлый путь» заметно окрепла. Добро, конфискованное у односельчан, правление колхоза сразу же

показательно распределило между самыми бедными семьям колхозников, что доставило им большую радость. Кулацкий скот, сельскохозяйственные машины, агрегаты и механизмы передали в неделимую собственность колхоза.

Из добротного саманного дома, с любовью построенного в тысяча девятьсот седьмом году своими руками, трудолюбивого крестьянина Николу Белоконя выгнали, не предоставив семье до отправки на Север другого жилья. Председатель колхоза, заручившись поддержкой со стороны председателя сельского Совета, колхозного правления и сельских активистов, и находясь под защитой милиционера Лукьяненко, объявил хозяину, что дом его конфискован, передан колхозу и отныне ему не принадлежит.

А был ли Никола кулаком? Нанимал ли батраков для работы на своём хозяйстве? Нет! Сам всё тянул на своих плечах. На посев и уборку хлеба разве что двух батраков приглашал. Да ведь по закону всё! В сельсовет для этого ходил, оплату, какую следует, производил.

— Нет! — сказали. — Ты наёмный труд использовал, значит, ты кулак, эксплуататор и кровопийца! А выселяем тебя из села потому, что ты воду мутить, единоличников в колхоз не вступать подбиваешь. Политика! Понимать надо! Ты у нас враг народа!

Потом уж мужики по большому секрету сообщили, чьих рук это дело. Василь Полищук мол, председатель колхоза, Василь Позняк (каким ветром эту рвань в село занесло?) и Василь Пилипенко — три Василя, два последних пьянь беспробудная, одними из первых в колхоз записались, пожить за колхозный счёт вознамерившись. У обоих за душой ни гроша, пропивали быстрее, чем зарабатывали. Вот они председателя колхоза против Николы и подговорили. А тому это на руку: дом у Белоконя добрый, капитально строил мужик, на долгие годы, а у председателя — пластанка покосившаяся. Захотелось председателю колхоза не как простолыдину, а как уважаемому в селе человеку в добротном доме жить. И сошлись, и сговорились пьянь беспробудная с председателем. Он на собрании предложил Белоконя раскулачить, а они поддержали его ...

Калитка во двор Падалко была забита на гвоздь.

— Забаррикадировался, гнида кулацкая! — проговорил сквозь зубы Василь Позняк и зло сплюнул. — Нет, голубчик! От нас не уйдёшь!

С помощью Степана Василь перелез через высокий плетень и пошёл искать что-нибудь, чем можно было бы выломать калитку, чтобы во двор могли войти остальные активисты.

Но неожиданно из-за угла сарая выскочил огромный лохматый пёс и, оскалив зубы, стремглав понёсся к нарушителю границы охраняемой им территории. Василь вовремя заметил пса. Не желая ввязываться в явно проигрышное противоборство, бравый бригадир что было духу бросился к калитке. Но то ли вследствие принятой с утра горилки, то ли от того, что он слишком далеко зашёл во двор несговорчивого крестьянина, ноги подвели его, и не побежали с необходимой быстротой. А может, причиной был пёс, решивший непременно наказать нарушителя границы охраняемого им двора и быстро нагнал его.

Неизвестно чем закончилась бы противоборство храброго бригадира полеводческой бригады с озверевшим несговорчивым псом, не возьми активисты с собой на повторный обход дворов милиционера Лукьяненко. Микола мгновенно выхватил из кобуры пистолет, и до ушей жертвы нападения донёсся приказ:

— Ползи ближе к калитке, Василь! Живее! Не то зацеплю тебя!

Василь, собрав все силы, рванулся в сторону калитки, активно загребая руками и ногами по земле. Но настырный пёс не пожелал отпустить с миром нарушителя порядка, прежде не наказав его за проникновение в охраняемый им двор. Вцепившись в штанину, он поволок упиравшегося Василя назад.

Схватку не выдержали штаны бригадира. Они лопнули в паховой области, обнажив миру срамное место. Вид виляющего волосатого зада активиста явно не понравился хозяину двора. Наоборот, он вызвал в нём настоящий приступ бешенства, и огромные челюсти пса мгновенно сомкнулись на раздражавшем его месте. Взыв от невыносимой боли, Василь вскочил, рванулся из последних сил, и переместился к калитке, таща за собой проклятую зверюгу, не выпуская из зубов ягодицу.

Воздух рассёк сухой хлопок выстрела. Василь, схватившись руками за плетёную калитку, бессильно повис на ней, а пёс, сражённый пулей наповал, упал к ногам храбреца ...

— Значит, не отвёл скотинку в колхоз, говоришь. В позицию стал, — произнёс председатель колхоза, укоризненно покачивая головой. — Решил Советской власти воспротивиться.

— И не отведу! — сердито ответил Никодим. — Моя скотинка! Никому не отдам!

— Придётся нам тебя заарестовать, Никодим.

— За что?

— За то, что ты на жизнь колхозника покусился. Говорили же тебе: худо тем будет, кто колхозника притеснять вздумает.

Падалко глупо захлопал выгоревшими ресницами. Такого поворота он не ожидал — основание для заключения под стражу серьёзное, вчера же на собрании об этом говорили.

— Надо было подождать, пока я выйду и посажу пса на цепь, — стал защищаться Падалко, заметно снизив пыл.

Из-за спин столпившихся перед хозяином двора активистов, прихрамывая на одну ногу и придерживая рукой оторванный кусок штанины, резво выбежал Василь Позняк. Бесстыдно повернувшись к хозяину дома задом, он визгливо завопил:

— Видишь? Твоих рук дело! Ты нанёс уважаемому колхознику телесное повреждение и ответишь за это по закону! ...

Выпал первый снег. Но нет радости у людей в светлый праздник природы, не ласкает глаз девственная белизна окружающих полей, лёгкие пушистые хлопья снега, украсившие ветви деревьев под окнами крестьянских хат и настороженная угрюмость замерших в степи колков. Зима пришла, а что заготовили к ней? Только лишь топливо. С едой в этом году дела обстоят неблагоприятно. Государство выбрало хлеб под метлу, и взять его крестьянам неоткуда. Были б кулаки, может, дали бы бедствующим хлеб, откликнулись на просьбы семей. Но кулаки сосланы на Соловки. Да и что изменилось бы, будь они в селе? И у них тоже вымели бы под метлу весь хлеб. Слишком много хлеба было изъято государством в прошлом году при раскулачивании крупных кулацких хозяйств! Эйфория прошлогоднего успеха привела к тому, что и в этом году правительство вознамерилось взять столько же хлеба! Да не подумало о том, что кулаков в сёлах уже нет, и взять такую массу хлеба будет не у кого. Но коли запланировано, значит, должно быть взято, ибо слово партии твердо! Вот и взяли, согласно составленному плану: у всех крестьян разом очистили амбары под метлу. И не разбирались, единоличник ты или колхозник.

Вспомнили крестьяне добрыми словами «мрачные царские» времена, кулака Бутько вспомнили. Многим помог он первую зиму в степи пережить. Но нет Павла Силантыча, и не к кому за помощью обратиться. У всех ветер в амбарах гуляет, мыши и те дохнуть стали — есть им нечего. И вот перед долгой зимой и надвигающимся голодом все жители села стали равны, как равны люди перед смертью. Пришло время вспомнить: за что боролись в семнадцатом году? За равенство боролись! Вот и радуйтесь равенству!

Впрочем, наиболее дальновидные крестьяне не стали дожидаться наступления голода, а загодя покинули село, найдя более подходящие места для жизни. И в результате председатель колхоза Василий Полищук с колхозным активом лишились главной темы споров на колхозных собраниях: кого из крестьян следует раскулачить в первую очередь, чтобы вселиться в его дом? Всё больше единоличников и колхозников, разочаровавшись в возможности наладить жизнь в селе, настраивались на выезд, сдерживаемый только временем нахождения жилья и работы на новом месте.

Последствия бездумных действий партийного аппарата не заставили себя долго ждать: зима едва перевалила за половину, как в пищу пошли собаки и кошки. Даже мыши стали съедобными в эту зиму. Всё съедалось, лишь бы сбить мучительное ощущение голода.

Ближе к весне умерших хоронить прекратили, резонно решив похоронить всех мёртвых разом, когда оттаёт земля, так как не было сил копать множество могил в мёрзлой земле. Мёртвых свозили в покинутый дом, одиноко стоявший на окраине села.

В конце зимы живые стали замечать исчезновение рук и ног у «свежих» мёртвецов. Судя по следам — ножи и топоры, делалось это не зверями. Но по факту людоедства следствия не

проводилось. Видимо, потребление людской мертвечины имело место и в других сёлах, и власти решили про это умолчать.

Но, несмотря на бедственное положение крестьян, в областном комитете партии решался вопрос о дополнительном изъятии хлеба и прочей сельскохозяйственной продукции у села. Намеченная партией индустриализация страны требовала огромного количества денег для закупок из-за рубежа станков и заводов. Деньги же государство могло получить только от продажи за рубеж хлеба и леса. И хлеб поступал в закрома, насильственно изымаемый у хлеборобов, обращая последних в безликую массу погибающих от голода людей! Лес тоже заготавливался руками крестьян, вчерашних кулаков, сотнями тысяч отправленных в северные районы России. Для успешной добычи древесины ОГПУ организовало настоящий конвейер поставки трудовых ресурсов на Север. Кулаки и богатые крестьяне ссылались с клеймом «буржуй», а прибыв на место ссылки, деклассировались вследствие отсутствия у них собственности. «Перевоспитание трудом» шло быстро: доведённые холодом и голодом до скотского состояния, люди были рады любому труду, дающему пайку тестообразного чёрного хлеба, лишь бы сбить чувство голода.

План коллективизации крестьянских хозяйств оставался в силе, и борьба за «крестьянские души», говоря иначе, «за охват коллективизацией крестьянских хозяйств», продолжалась. Для дополнительного стимулирования к вступлению в колхоз партией и правительством был введён статус «лишенец»: крестьяне, не желавшие вступать в колхоз, лишались избирательных и прочих прав, им угрожали выселением за пределы района. Их же «превентивно арестовывали», то есть, «в целях воспитания» держали в кладовушках под замком при колхозном правлении, принуждая «добровольно» вступить в колхоз. Добровольность при вступлении в колхоз была обязательна!

В стране началась внутренняя миграция. Одни крестьяне перебирались в города или уезжали на государственные стройки пятилетки. Другие вступали в колхоз в надежде, что гуртом легче будет пережить полосу голодных лет. В образовавшейся суматохе неожиданно ярко вспыхнула звезда партийца С. Хайло: охват крестьян коллективизацией поднялся до 93%! Можно было смело рапортовать в райком партии, что благодаря его мудрому руководству село полностью охвачено коллективизацией!

Тридцать второй год принёс важное новшество. Для контроля над внутренней миграцией населения правительством была введена паспортная система прописки. Членам колхоза паспортов не выдали. Видя массовое бегство крестьян из села, партия намеревалась таким образом остановить развал созданных ею колхозов. Ведь без паспорта человек не мог ни переехать на другое место жительства, ни устроиться на работу.

Боевой объединяющий крестьян лозунг семнадцатого года «Земля крестьянам!», таким образом, трансформировался в «Земле крестьян!» Обещанная хлеборобу в пользование, земля на деле закрепостила его на себе, но собственностью так и не стала; колхозники стали крепостными колхоза, подчинявшегося главному душеприказчику — большевицкой партии. Так российское крестьянство совершило полный исторический оборот, пройдя за семьдесят лет путь от помещичьего крепостничества к крепостничеству государственно-колхозному...

Откуда столько злости и ненависти в людях набралось? Готовы живьём друг друга съесть. А из-за чего сыр-бор обычно разгорается? Из-за каких-то мелочей, на какие в прежние годы плюнули и забыли бы. А нынче нет! Есть зацепка, и надо расковырять рану поглубже, сделать человеку больнее!

И спешат! Спешат из страха, что другой раньше анонимку напишет. Он-то напишет, а ты потом попробуй, расхлебай написанное! Всякий в укрыватели врагов народа попасть боится, подписывает всё, что ему предлагают. Зловредным ябедникам и злопыхателям нынче свобода и раздолье! Время пришло — пиши анонимки на кого хочешь! Вот и царапают «сообщения» на соседей и на руководство, ну а руководство, в свою очередь, обвиняют во всех грехах подчинённых! ...

«Великий Боже! Помоги нам пережить дьявольское время! Извлеки из людских сердец зависть, злость и ненависть к ближнему, ибо так можно дойти до полного уничтожения людей на земле! ...»

Охрим пропустил вступительную часть, бегло пробежав по общим для письма строкам. «Потом причитаю», — решил.

«Не поверишь, Охрим, кого я встретил в лесах Коми! Нашего давнишнего знакомого, бывшего купца Болат Екешева! Помнишь, он был переводчиком, когда мы в шестнадцатом году ездили с Павлом Бутько к баю Куянбаю улаживать конфликт, связанный с угоном молодыми казаками нашего скота? ...»